

Дворики берлинские

7 сентября 2015 года

Настя и Денни

Утро у Насти всегда начиналось с отработанных движений и протекало однообразно, в отличие от ее вечеров, которые были по большей части непредсказуемы.

Утренняя экономная механистичность действий сложилась еще в те дни, когда Настя каждый день рано утром шла на работу. Теперь, получив статус независимой медицинской массажистки, она сама планировала время работы, предпочитала, будучи совой по природе, не вставать очень рано без исключительной на то необходимости.

По этой же причине она вечером насыпала полную миску корма для своего кота Шнуппи, чтобы он не будил ее рано и не требовал еды.

Кот был серый в полоску, она специально выбирала такого, как был у нее в детстве в России, и гости из России говорили обычно: «О, у тебя русский кот! Ты его из России привезла?» — и не могли поверить, что в Германии тоже полно таких котов.

До первой чашки кофе Насте думать не хотелось. Встав, она первым делом включала компьютер, а пока он загружался, насыпала корм Шнуппи взамен съеденного ночью и открывала дверь на террасу для него же, потому что с утра тот предпочитал сразу же выходить на прогулку.

Медленно выпивая стакан воды, как она себя давно уже приучила, Настя смотрела, нет ли новых писем и сообщений, и пролистывала свои страницы в социальных сетях. Затем наливала воду в электрический чайник, уже не глядя: она примерно знала, как долго чайник держать под краном, чтобы налилсь ровно столько воды, сколько ей нужно для кофе. Насыпала в кружку шесть ложек кофе и готовила глазунью из двух яиц. Как только чайник закипал, она считала про себя до десяти, чтобы вода остыла до 98 градусов, и медленно заливала кипяток в английскую чашку с кофе, на которой были изображены три кота разных оттенков серого, но все в полоску, очень похожие на Шнуппи (увидела как-то в поездке по Шотландии и сразу купила), и шла есть перед компьютером, оставив кофе завариваться.

По вечерам она заливала гречневую крупу водой, как положено: три части воды к одной части гречки. К утру крупа разбухала, Насте оставалось ее только немного погреть. Глазунья поверх гречневой каши была у Насти в первой тройке вкусных блюд, которые ей доводилось пробовать. В детстве она не очень любила каши, гречневую в том числе, детсадовский опыт сказывался, но потом, лет в десять, прочла в книге про Незнайку рецепт гречневой каши. Это было первым самостоятельно приготовленным блюдом. Даже молоко, которое она терпеть не могла, Настя тогда добавила, как было указано в книжном рецепте. Теперь она готовила гречку без молока. Любовь к этой крупе она привила со временем многим своим немецким подругам, заходившим в гости. Вначале они настороженно относились к непривычной еде, потом, распробовав,

сами начинали ее готовить. Учитывая, что многие из них были вегетарианками и даже веганками, гречка стала прекрасным дополнением их рациона.

К яичнице Настя резала на дольки небольшой помидор или накладывала готовых креветок из стограммовой пачки в холодильнике. Как-то в турецком супермаркете, куда Настя специально ездила за овощами и фруктами, потому что там они были вкуснее, дешевле и разнообразнее, она увидела, как две турецкие женщины набирают себе в пакет маленькие помидоры, хотя рядом были обычные по той же цене.

«Эти вкуснее?» — поинтересовалась у них Настя. «Нет, такие же по вкусу, — ответила одна из женщин. — Просто маленькие удобно брать в руки за завтраком». Тогда Настя узнала, что бывают люди, которые за завтраком едят целые помидорины.

В Настиной манере заваривать кофе выражался подростковый протест, неуместный в ее тридцать шесть лет. Настя это понимала и временами испытывала чувство вины, но ничего не могла с собой поделать. Сваренный в кофемашине с фильтрами напиток казался ей невкусным. А приготовленный таким способом максимально приближался по вкусу к сваренному в джезве. Разумеется, джезва стояла у нее на полке в кухонном шкафу. Мать Насти принадлежала к той части московской и санкт-петербургской (тогда еще ленинградской, или, как они звали в своем кругу, питерской) интеллигенции, которая в конце 80-х — середине 90-х годов прошлого века очень ревностно относилась к варке кофе. У всех были джезвы, привезенные из закавказских республик, и свои рецепты приготовления. Кто-то делал с солью, кто-то добавлял

гвоздику, но колдовство над джезвой у них превратилось в своего рода ритуал. Другая часть интеллигенции так относилась к чаю и способам его заварки. Настю раздражало это превращение в культ обычного процесса, она была за упрощение техники. Но только пока варила для себя. Приезжавшие из России ее ровесники удивлялись ее способу приготовления кофе и спрашивали, неужели у нее нет джезвы. Приходилось на время, пока они гостили, кофе варить в ней.

Когда завтрак был готов, Шнуппи обычно уже возвращался со своей короткой прогулки и сидел на письменном столе перед компьютером, дожидаясь ее.

Одной рукой Настя держала вилку, другой гладила кота, время от времени листая мышкой компьютерные страницы.

В этот раз, позавтракав, она вышла на террасу полить розы. Рядом с террасой к водосточной трубе был присоединен зеленый пластиковый бочонок высотой в полтора метра, там во время дождей собиралась вода, но сентябрь в этом году выдался сухим.

Насте пришлось пойти к террасе соседки напротив, там к кранам были прикреплены длинные шланги, из которых они с соседкой поливали свои небольшие садики при террасах во внутреннем дворе дома старой постройки, ему было уже больше ста лет. У соседки огородик при террасе был побольше, чем у Насти, а сама терраса была совсем маленькой. Зато у соседки выход во двор был с двух сторон, еще одна дверь открывалась во второй внутренний дворик, и надо отдать должное Ингрид, которая овладела, в числе других своих профессий, еще и профессией садовода и с большим вкусом обустроила этот внутренний

дворик. Он был достоянием всех жильцов, но только несколько соседей им по-настоящему пользовались, загорая на лужайке летом среди разнообразных цветов или просто отдыхая на двух скамейках в тени. От соседних домов этот дворик отделяли кирпичные стены тоже очень старой, судя по виду, кладки. Они кривовато изгибались, образуя укромные уголки для скамеек. Ингрид поставила в качестве стола перед одной из скамеек под стеной с глицинией большую деревянную катушку из-под кабеля. Когда глициния осыпалась, было особенно романтично. Настя любила читать там летом, когда выдавалось время.

У себя на террасе Настя собиралась посадить только розы, но потом добавила и другие цветы. Еще в детстве, в Москве, когда бабушка читала ей вслух сказки Андерсена, ее потрясло, что прямо в городе у человека могут быть собственные розовые кусты. Здесь, в Берлине, первая ее отдельная квартира, в которую она переехала от родителей сразу же, как стала учиться на физиотерапевта после школы, тоже была в старом доме, но там даже не было балкона, и о своей заветной мечте Настя вспомнила, только оказавшись в этой квартире с террасой, и тут же побежала покупать кусты роз для посадки.

Попала она в этот дом случайно, Ингрид даже пыталась у нее поначалу, как ей удалось тут получить квартиру, и рассказала, что сама поселилась в этом доме давно, уже после объединения, но еще до капитального ремонта, которому постепенно подверглись со временем все старые дома на территории восточного Берлина. Ингрид об освободившейся квартире сообщили знакомые, и ей пришлось побороться за

большую четырехкомнатную квартиру на первом низком этаже с выходом прямо из квартиры в обе стороны в закрытые внутренние дворики. Она уверяла, что жилищное управление убедил ее диплом садовода, она обещала, что сделает из двориков райские уголки, и обещание свое выполнила. С подорожанием района ей стало трудно оплачивать квартплату в одиночку, и две комнаты она теперь сдавала студентам.

Настя не могла налюбоваться на свои розы. Она выбрала очень пахучие сорта: одни были с ярко-красными цветами, другие с ярко-желтыми. Еще был сорт пурпурных. И красно-белые. А между кустами роз Настя посадила гортензии.

Полив цветы из шланга, Настя вернулась домой. Она любила выходить босиком из квартиры прямо на землю, если погода позволяла. В этот день обещали больше двадцати градусов.

После этих процедур Настя обычно отправлялась на работу, но это утро чуть отклонялось от привычного распорядка. Такое случалось самое меньшее два раза в год, когда ее соседи Денни и Карл-Хайнц уезжали в отпуск. У них была рыжая огромная и ласковая кошка — мейн-кун по кличке Пина. Они и Настя всегда старались согласовывать время своих отпусков, чтобы было кому присматривать за кошками. Уже десять дней Настя утром и вечером поднималась на пятый этаж, чтобы покормить Пину и навести порядок в ее лотке с песком. Соседи уехали на две недели, оставалось еще четыре дня до их возвращения.

Пина, заслышав ключ в замке, с громким топотом подбежала к дверям, как собака, и начала нетерпеливо

мурчать. Затем, потершись о Настины ноги, побежала на кухню к своей миске, оглядываясь, чтобы убедиться, что Настя следует за ней.

Обычно Настя предпочитала подниматься и спускаться по лестнице, даже на пятый или шестой этажи, чтобы больше двигаться, в вечной борьбе с лишним весом, которого она очень стеснялась. В детстве Настя была прехорошенькой, с черными кудрями, очень белой кожей, ярко очерченными пухлыми губами, она была чем-то похожа на девочку с картины Брюллова «Всадница». Став взрослой, она продолжала напоминать излюбленный тип женщин этого художника. В свои тридцать шесть лет она казалась очень юной из-за постоянно озаряющей лицо улыбки, открывающей зубы, которые можно было сразу на рекламу для дантиста фотографировать, и ровной и гладкой кожи лица. Но сама она считала, что полнота ее уродует, и постоянно сидела на разных диетах — с переменным успехом. Передвигаться предпочитала на велосипеде или пешком, не упуская случая взбежать по какой-нибудь лестнице. Но в квартиру Денни и Карл-Хайнца Настя поднялась на стеклянном лифте, который построили к их дому позапрошлого века во дворе. Живя на нижнем этаже, она этим лифтом почти никогда не пользовалась, но ей нравилось смотреть, поднимаясь, как постепенно открывается вид не только на свой, но и на соседний дворик, отделенный стеной, на окна и затем на крышу противоположного дома, такого же старого, как и их дом.

Денни и Карл-Хайнц жили на пятом, самом последнем этаже. Или предпоследнем, потому что прямо на крыше после объединения достроили две квартиры

в виде мансард, в окружении собственных небольших зеленых садилов, которые не были видны с улицы. Их квартира была под крышей. Это была двухкомнатная квартира, как и у Насти, но у нее были две смежные комнаты неправильной формы, получившиеся после многочисленных реконструкций дома. Если открыть дверь между комнатами, то Настина квартира приобрела форму бабочки, где туловищем служила стена с межкомнатной дверью, а крылышками — две почти равной величины комнаты со множеством несимметричных углов.

У Денни с Карл-Хайнцем же квартира была двухэтажной. Открыв дверь, Настя попала сразу в первую комнату, не отделенную от входной двери прихожей. Комната была отделена от кухни стойкой, на американский манер. У стены стоял дорогой дизайнерский диван, рядом большой стол и два кресла, тоже дизайнерские. Настя их как-то погуглила: они были безумно дорогие, она не решалась на них садиться. Себе бы Настя ни за что такие не купила, и не только из-за цены: ей и сам дизайн, и синтетический материал, из которого сделана мебель, казались бездушными и холодными. Настя удивлялась, как можно в Германии, где по объявлениям очень дешево можно купить старую и даже старинную мебель из резного дерева, люди покупают такие безжизненные модели, как у ее соседей, или новую фанерную мебель из «Икеи». Сама Настя обзавелась резными шкапами и буфетами и очень радовалась каждый раз, когда их видела. Она получала эстетическое удовольствие, находясь рядом с ними. И не такое, как в музей сходила: там, в музеях, красота отчужденная, общая, неприкасаемая, а от этих

старинных шкафов исходило живое чувство близости, как будто сидишь с верными друзьями.

Пина, поев, захотела привлечь к себе внимание и прыгнула на рабочий стол у окна, за которым Карл-Хайнц сидел со своим ноутбуком, когда ему приходилось работать дома. Его работа связана с банками и финансами, Настя не очень в этом разбиралась. На стенах висели деревянные полки с экзотическими фигурками, привезенными из путешествий, и дорогой керамикой. Настю поражало полное отсутствие книг в квартире, такого она еще нигде не видела. Денни, с которым она дружила и часто беседовала наедине («говорила по душам» — она попыталась как-то перевести Денни это русское выражение), жаловался, что Карл-Хайнц против книг, потому что они копят пыль и потому негигиеничны.

Насте казалось, что больше всего на свете Карл-Хайнц любит свой BMW пятой модели — черного цвета, с тонированными стеклами. На стене висели в рамках две фотографии: на одной Денни и Карл-Хайнц вместе, кажется, на Гавайях, на другой Карл-Хайнц со своей машиной. Денни предпочитал не водить машину из экологических соображений: он, как и Настя, передвигался по городу на велосипеде, хотя Настя и не разделяла его веганства и прочих антиконсюмеристских убеждений; Карл-Хайнц их тем более не разделял. Настя иногда гадала, как выглядят их совместные ужины, когда они не ходят в ресторан. Карл-Хайнц, наверное, жарит себе стейк, а Денни делает себе салаты с пророщенными злаками.

Пина, увидев, что так она не привлекает внимания, принесла свою игрушку, как собака, держа ее в зубах.